https://doi.org/10.34680/vistheo-2020-2-95-104

ИКОНОГРАФИЯ АНТИЧНЫХ ФИЛОСОФОВ В ХРИСТИАНСКОЙ ЖИВОПИСИ: РОССИЙСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. А. Васильева
Санкт-Петербургский горный университет, Россия
ma.vasilyeva@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-011-00385а «Иконография античных и средневековых философов в православных храмах: специфика визуальной репрезентации человека в русской культуре»

Статья представляет собой обзор научной литературы по иконографии античных философов в христианской традиции. Автор приводит основные позиции из нескольких ключевых исследований темы: книг В. П. Зубова «Аристотель», И. С. Дуйчева «Древноезически мислители…», М. Н. Громова «Образы философов в Древней Руси», статей Н. А. Казаковой и В. Н. Сергеева, касающихся истории «Пророчеств еллинских мудрецов». Опираясь на эти и другие источники, автор приходит к выводу, что изображения античных мудрецов, ставшие довольно распространённым сюжетом для церковной живописи XVI–XVIII вв., играли большую роль в обосновании и утверждении христианских догм: устами античных мыслителей часто защищается ключевой тезис о Боговоплощении. Кроме того, визуальный код восточно-христианской культуры наравне с текстами того же периода демонстрирует динамику отношений с западной традицией. В условиях падения Византийской империи восточное христианство заново выстраивало свои взаимоотношения с западным. Интерес к фигурам античности является в этом процессе сближающим фактом, но на этом сближение заканчивается. Использование авторитета «первых философов» в своих целях создаёт новых «персонажей» – христианских Платона, Аристотеля, Сивилл и даже Аполлона. Это вполне нормальная ситуация, поскольку речь идёт о перцепции текстов совершенно иной культуры после нескольких веков выстраивания собственной. Интерес к античности выражен в уважении к именам, но сами изображения и образы философов – это «продукт» сугубо христианский. Размышляя над актуальным повышением интереса к этой теме, автор приходит к выводу, что современные исследования подобных тем проявляют новый подход к освоению религиозного наследия. Автор связывает его с позицией постсекуляризма и переосмысления феномена «религиозного» в культуре. В отличие от позиции секуляризма, актуальное видение «религиозного» позволяет исследовать иконопись не только как предмет культа или искусства, но как полноправную часть сложной культурной системы. В результате религиозное престаёт быть чем-то принципиально инаковым по отношению к современной культуре. Это даёт новую перспективу как для изучения актуальных явлений и тем, так и для исследований религиозных проявлений прошлого.

Ключевые слова: иконография античных философов, христианская живопись, церковное искусство XVI в., концепция постсекуляризма, античные философы, иконография.

ICONOGRAPHY OF ANCIENT PHILOSOPHERS IN CHRISTIAN PAINTING: RUSSIAN AND FOREIGN RESEARCH

Marina Vasilyeva
Saint Petersburg Mining University, Russia
ma.vasilyeva@gmail.com

This article is a review of the research literature on iconography of ancient philosophers in the Christian tradition. The author presents the main statements from several key studies on this topic: books by V. P. Zubov, I. S. Duychev, M. N. Gromov, articles by N. A. Kazakova, V. N. Sergeev. The last two research are devoted to the history of the "Prophecies of the Hellenic wise men"– the text which gives a clue to the images of the ancient philosophers in Russian churches of the 16th century. Based on these and other sources, the author comes to the conclusion that the images of ancient sages, which became a fairly common subject for Church painting in the 16th – 18th centuries, played a major role in the justification and approval of Christian dogmas: ancient thinkers often defend the key thesis about the incarnation of God. In addition, the visual code of Eastern Christian culture, along with texts from the same period, demonstrates the dynamics of relations with the Western tradition. With the fall of the Byzantine Empire, Eastern Christianity re-established its relationship with Western Christianity. The interest in the figures of antiquity is in this process a converging fact, but this is where the convergence ends. It is caused by the perception of texts of a completely different culture after several centuries. Interest in antiquity is expressed in respect for names, but the images of philosophers are a purely Christian "product". Reflecting on the current increase of interest in this topic, the author comes to the conclusion that modern research on this topic reveals a new approach to the development of religious heritage. The author connects it with the position of post-secularism and reinterpretation of the phenomenon of "religious" in culture. In contrast to the secularist position, the current vision of the "religious" allows to explore iconography not only as an object of worship or art, but as an important part of a complex cultural system. As a result, the religious ceases to be something fundamentally different in relation to modern culture. This gives a new perspective both for the study of current phenomena and topics, and for the study of religious manifestations of the past.

Keywords: iconography of ancient philosophers, Christian painting, Church art of the 16th century, the concept of post-secularism, ancient philosophers, iconography.

История иконографии неотделима от истории христианства как такового. Перед нами традиция изображений с богатой и не всегда гладкой историей, в ней прослеживаются и постоянные идеи, культурные установки,

и внутренние противоречия, и сближения или разрывы. Православная иконографическая традиция может и должна становиться предметом исследования с общих философских, культурологических и антропологических позиций, поскольку для понимания её сложности и богатства было бы мало лишь одного искусствоведческого или исторического подходов.

Интересным предметом изучения для такого комплексного подхода оказываются живописные изображения античных философов в христианской культуре. Возможно, для стереотипного представления о христианской религиозной традиции сам факт таких изображений покажется удивительным, поскольку античные философы были язычниками и причины их «присутствия» в христианском храме далеко не очевидны. К счастью, мир в целом и христианская традиция в частности гораздо интереснее, чем то, что может поместиться в стереотипы.

Сегодня нам доступны исследования на разных языках, посвящённые изображениям античных философов в христианском мире. Помимо искусствоведческих и исторических работ, касающихся отдельных произведений, есть и аналитические источники, рассматривающие эту традицию в широкой перспективе перцепции античной философии христианскими мыслителями конкретного периода и региона. Количество этих работ показывает, что эта тема ещё не получила достойного развития и осознания, хотя её эвристический потенциал довольно высок. Исследование таких «необычных» примеров живописи позволяет глубже понять саму существовавшую традицию как храмовых изображений, так и мышления в духе христианства. Они также могут дать представление и об исторических особенностях конкретного периода, ориентирах, конфликтах и позициях внутри христианской мысли.

Об этом говорит современный исследователь русской философии Михаил Николаевич Громов в книге «Образы философов в Древней Руси», вышедшей в 2010 году. В своей работе Громов рассматривает образ мудреца в русской православной культуре и его основания. Автор опирается не только на истории жизни русских философов (Константина-Кирилла Философа, Илариона Киевского, Кирилла Туровского, Максима Грека, Симеона Полоцкого, Григория Сковороды и др.), доступные нам благодаря историческим данным, но и на распространённые представления о философах и философии в целом, которые обнаруживаются в многочисленных письменных источниках. Античные мыслители здесь обретают звание «первых философов», и «по традиции ими считали античных мыслителей всех направлений. Особенно почитался Платон как “внешних философ верховный”. Аристотель преподносился как мудрый наставник Александра Македонского, как видный политический мыслитель и основоположник логического мышления. <…> В целом отношение к античным мыслителям было как к “первым философам”, предшественникам христианской мудрости; они могли то сближаться с нею, то противопоставляться ей. В первом случае они нередко уподоблялись ветхозаветным пророкам, предвосхищавшим появление Христа, во втором – считались носителями враждебной христианству внешней мудрости “мира сего”» [Громов 2010, 9]. В древнерусских источниках встречается уважительное отношение и к философам условно выделяемого материалистического

направления, чаще всего к Демокриту и Эпикуру. Среди первых философов разные источники отмечают также Фалеса, Пифагора, Эмпедокла, Гермеса, Анаксагора, греческих и римских ораторов и общественных деятелей: Исократа, Демосфена, Менандра, Гиппократа, Галена, Вергилия, – и даже Афину Палладу называют «философицей». В «Книге иероглифийской» излагаются также концепции патристической богословско-философской мысли, в частности приводятся выдержки из работ Августина, Дионисия Ареопагита и Григория Нисского [Громов 2010, 10–12]. Широкое знакомство с текстами античных мыслителей и формирование более или менее устойчивых представлений о них и о их жизни, несомненно, влияло и на современное видение философии, её целей, методов и возможностей в каждую из последующих эпох русской культуры. Называя вопрос об образах философов в Древней Руси «частным сюжетом», Громов считает его важной составляющей глубокого и всестороннего понимания всей отечественной философии [Громов 2010, 161].

Однако помимо представления философов в письменных источниках были и визуальные интерпретации их образов, которые кажутся не менее интересными. Изображения античных мыслителей обнаруживаются в ряде православных храмов XV–XVIII веков в разных городах России (Москве, Костроме, Новгороде), а также в Греции, Сербии, Румынии и Болгарии. На сегодняшний день у нас есть возможность исследовать своеобразие этих росписей и сопоставить православные образы древних мудрецов с изображениями в западно-христианской традиции, получившей развитие в тот же период возрожденческого интереса к античности.

Начать обзор литературы по этой теме можно было бы и с другого источника, но в данном случае работа Василия Павловича Зубова «Аристотель» 1961 г. издания выбрана не случайно. Это классический труд о жизни и философии Аристотеля, в котором автор выделяет отдельную главу в приложении, посвящённую иконографии мыслителя. Этот текст интересен тем, что автор с многочисленными ссылками на словесные описания и сохранившиеся изображения показывает довольно радикальные и резкие трансформации облика философа в различных традициях: от античной, римской, до западной возрожденческой, православной и арабской. Зубов проделал колоссальную работу, свёл и сопоставил около десятка изображений Аристотеля, описаний этих изображений и указаний к ним. Внушительный список литературы, который он при этом использует, состоит в основном из исследований, касающихся какого-то одного известного изображения Аристотеля, бюста или картины. Таким образом, это первое исследование, нацеленное на анализ трансформации образа Аристотеля в различных культурных традициях.

В. П. Зубов пишет, что визуальная интерпретация образа Аристотеля неотделима от закреплённого в текстах понимания его философии и, очевидно, от региональных и эпохальных особенностей представлений о красоте. Каждая последующая культурная традиция может не только по-своему трактовать образ античного мудреца, но и использовать его авторитет в собственных целях. Хорошим примером такого использования становится изображение Аристотеля вместе с другими античными фило-

софами в православной храмовой живописи XVI–XVIII веков. Особенно интересно то, что восприятие философии Аристотеля на Руси было отнюдь не однозначным, так что известны довольно резкие заявления против «аристотелевских силлогизмов», ассоциировавшихся, видимо, с католической схоластикой [Зубов 1961, 334–335]. При этом знакомство с текстами было довольно серьёзным и глубоким, что проявляется в активном цитировании Стагирита проповедниками, в наличии его текcов в различных библиотеках и собраниях [Зубов 1961, 336–338]. Несмотря на это, образ Аристотеля, представленный в храмовой живописи того же периода, демонстрирует почитание философа, но скорее, как авторитетного персонажа, чем автора собственной философской концепции.

Подробнее об этом пишет Наталия Александровна Казакова. В статье 1961 г. она исследует влияние текста «Пророчества еллинских мудрецов» на иконографию античных мыслителей в христианской живописи XVI–XVII вв. В статье детально рассмотрена история становления и изменения текста «Пророчеств», в котором менялся как состав упомянутых античных мыслителей, так и приписываемые им изречения. Например, первоначально в список мудрецов помимо Платона, Аристотеля и Фукидида входили Гермес Трисмегист, Аполлон, Дионис и персидские волхвы, пришедшие поклониться новорожденному Христу; однако в других списках текста их заменяют Гомер, Солон, Менандр, Плутарх, добавляются вещие прорицательницы Сивиллы. Текст статьи «Пророчеств» пережил несколько изданий, на которые влияли другие тексты: «Сказания Афродитиана», «Сказание о Еремии», «Сказание о Сивиллах», «Сказание о Валааме волхве» из Палеи Исторической и др. Установить авторство списков можно далеко не всегда, так же, как и влияние других текстов, но в целом Казакова выделяет две редакции списка, сложившиеся ещё в первой четверти XVI века: так называемую Хронографическую редакцию и список Тушина. Они отличаются составом упомянутых философов и атрибуцией изречений. В дальнейшем обе редакции повторялись и изменялись, испытывая влияние других текстов – и в XVII, и в XVIII веках [Казакова 1961, 358–365].

В целом, как отмечает Казакова, распространение этого памятника на территории Руси связано со стремлением христианской церкви использовать античное наследие в своих интересах [Казакова 1961, 362]. Античные мыслители превращаются в персонажей, изрекающих пророчества о рождении Христа, т. е. благодаря своему авторитету помогают обосновать христианские догмы о воплощении Бога. Для рассматриваемого периода в истории христианства вопрос о природе Христа становится центральным, что проявляется в ряде еретических процессов и споров. Использование русскими авторами и художниками авторитета античных мыслителей для утверждения позиции о Боговоплощении выглядит немного необычно, но всё же далеко не случайно, если посмотреть на историю христианства в этот период чуть шире. Европейское Возрождение и переосмысление позиции человека в мире также выражалось в высочайшем интересе к античной культуре. На Руси это проявлялось не так ярко, однако долгая и устойчивая популярность текста о «Пророчествах еллинских мудрецов» показывает значимость античного наследия для православной культуры.

Соответственно, это проявилось и в храмовой живописи. Более того, популярность текста, возможно, и не была бы такой постоянной, если бы не поддержка в визуальном коде традиции. Наиболее ранним примером изображения античных мыслителей и Сивилл в русских храмах становится роспись галереи Благовещенского собора в Кремле (первая роспись – в 1564 г.). В то же время или немного позже в согласии с текстами «Пророчеств» расписаны и южные двери Успенского собора в Кремле. В конце XVII в. изображения античных писателей появляются на фресках галереи московского Новоспасского монастыря, писанных в 1689 г. изографом Оружейной палаты Фёдором Зубовым с городскими костромскими иконописцами; на фресках имеются фигуры Платона, Аристотеля, Птолемея, Плутарха и др. Писали языческих философов и Сивилл и новгородские мастера: так, например, в Никольской церкви Отенского монастыря под местной иконой Спасителя была изображена Сивилла Дельфика, под иконой святого Николая – «Омирос», под иконой Божией Матери – другая Сивилла. В Вяжицком монастыре под иконами писаны Платон, «Елеус», «Ермий», Эврипид. «Подобные же изображения с изречениями имелись под местными иконами главного иконостаса в Спасо-Преображенском соборе Хутынского монастыря» [Казакова 1961, 366]. К XVII веку складывается канон изображения философов, в частности – Платона. Казакова, ссылаясь на иконописные подлинники, приводит примеры указаний для изображения философа: «Платон. Рус, кудряв, в венце; риза голуба, испод киноварь; рукою указает во свиток. Сице рече. Понеже благ есть и благословению есть виновен, злым же никакоже. Той же рече: Аполлон несть бог, но есть бог на небесех; ему же снити на землю и воплотитися от девы чистыя, в него же и аз верую; и по четырех стех летех по божественней его рождестве мою кость осияет солнце» [Казакова 1961, 367].

В дальнейшем исследование Казаковой было дополнено новыми данными как из визуальных, так и текстовых источников. Искусствовед Валерий Николаевич Сергеев рассматривает надписи изречений «еллинских мудрецов» на росписи Троицкой церкви в Останкино и изображениях, вывезенных из деревянной Воскресенской церкви села Карельское Сельцо в Тверской области (обе датируются первой половиной XVIII века). Сопоставление особенностей этих росписей и надписей на них приводит автора к выводу, что помимо «Пророчеств» в XVIII в. уже были и другие тексты, которые становились источником для православных живописцев при изображении античных мыслителей. В частности, «Книга о сивиллах, колико их быша», переведённая Николаем Спафарием в 1673 г., а также тексты Максима Грека, известного частым обращениям к античной мудрости [Сергеев 1985, 326–327].

Это большое исследование, начатое Казаковой и продолженное Сергеевым, оказывается ценнейшим материалом по нашей теме, поскольку изображения античных философов в храмовой живописи через связанные тексты обнаруживают огромную глубину – как элементы развития православной культуры и философской мысли в целом. Оговорённое использование фигур Платона и Аристотеля для своих целей не делает их образы «плоскими» в христианстве, просто наполняет собственным содержанием,

полным разных нюансов смысла. То же можно сказать и о любом другом изображении в рамках конкретной культуры: оно наполнено смыслом не в связи с предметными коннотациями, а в связи с силой и мощью тех ассоциаций, которые складываются внутри самой традиции.

В свете сказанного интересно обратиться к исследованиям схожих изображений в других регионах, например, в Балканских странах. Значительная их доля написана на греческом, болгарском и английском языках. Большим авторитетом в исследованиях иконографии античных философов в христианстве обладает книга Ивана Симеонова Дуйчева «Древноезически мислители и писатели в старата българска живопис» 1978 года. Специализируясь на болгарской и византийской средневековой истории, Дуйчев рассматривает в этой книге особенности сюжетов, выбранных для росписи болгарских монастырей и храмов XVII века. В частности, он показывает, почему при строительстве Бачковского монастыря художники выбрали для трапезной сюжеты, связанные с первыми вселенскими соборами, а также изображение «Древа Иессея» – родословной Христа [Дуйчев 1978, 9–25]. Для восточного христианства становится важен вопрос о линии преемственности с Ветхозаветной традицией, которую отрицала дуалистическая ересь. Изображение древа окружено также изображениями древних философов и сивилл, пророчествующих явление Христа как воплощения Бога.

Интересно, что «Древо Иессея» в окружении греческих мыслителей встречается и раньше, например, в экзонартексе церкви Богородицы Левишки (начало XIV в.) в Призрене [Djurić 2006, 274–289]. Постоянство интереса к этому сюжету весьма показательно. Период установления Османского владычества был для Восточного христианства временем поиска собственной идентичности. Изображение первых семи Вселенских соборов (до раскола), а также визуальное выражение преемственности догматов христианской церкви от Ветхого Завета и античной философии – это вполне чёткий и понятный ответ на вопросы о взаимоотношениях как с Западным христианством, так и с существующими ересями. Дуйчев называет это «выразительными средствами визуальной полемики» с католицизмом и ересью [Дуйчев 1978, 13]. Сравнения росписей в трапезной Бачковского монастыря и в церкви Рождества Христова в Арбанаси дают автору основание полагать, что идеи, которые доносились через эти изображения, схожи, хотя есть различия в отдельных визуальных моментах (в списке изображаемых философов, фразах, которые им приписываются, облике мудрецов и проч.). Это становится ещё одним подтверждением простой мысли о том, что для христианской культуры изображение никогда не является просто картиной, но благодаря визуальному коду несёт в себе идею, позицию или аргумент.

В культуре западно-христианского мира периодом частого обращения к античности как на уровне текстов, так и в визуальном плане, становится, конечно же, Возрождение. Исследование живописных произведений того периода с точки зрения искусствоведения очень обширно и уже даёт нам представление о том, насколько современным всегда был образ античного философа в европейской живописи. Многочисленные тексты об «Афинской школе» рассказывают, как Рафаэль наделял образы античных мыслителей чертами, присущими его выдающимся современникам.

Сегодня в Европе также появляются исследовательские проекты, касающиеся иконографии философов, философских концепций и философии как таковой. Например, исследовательская группа на базе Цюрихского университета проводит тематические выступления и лекции, а также ведет блог в интернете [Iconography 2020]. В этом проявляется, с одной стороны, современный интерес к теме визуальной антропологии, с другой – переоценка отношения к визуальным традициям прошлого.

Итак, на сегодняшний день существует не так уж и много литературы, касающейся иконографии античных философов в христианской традиции, хотя примеры таких изображений можно встретить в различных регионах. В последнее время появляются как отдельные тексты, так и более комплексные исследования темы. Но возникает вполне закономерный вопрос: почему же столько времени она была не в фокусе научного интереса?

Возможно, дело в особой пелене «религиозности» этой темы, а точнее – в том отношении к религии, которое складывается в научном дискурсе XX века ввиду процесса секуляризации. Из этой позиции храм и всё в нём не вызывает интереса само по себе, только как место культа или же, в лучшем случае, принимается через «оправдание искусством». Исследования иконописи в XX веке были вполне многочисленны, однако они по большей части обходили стороной изображения философов и другие менее связанные с культом образы. Секуляризация по понятным причинам обнаруживает стремление к чёткому разделению на религиозное и нерелигиозное – мировоззрение, феномены культуры, практики и пр. Именно это стремление и становится причиной конца эпохи секуляризации.

Начиная с 90-х гг. XX века мы вступаем в период постсекуляризации, который проявляется не только в критике теории секуляризации, но и в ином взгляде на религию и религиозный опыт. Во многом авторы и теоретики новой концепции черпают вдохновение из феноменологической традиции. Феномен религиозного обнаруживается в многочисленных и разнообразных явлениях современной массовой культуры, поскольку понятие религиозного и эстетического оказываются связаны друг с другом. В качестве примера обоснования такой позиции можно упомянуть работу «После Христианства» философа Джанни Ваттимо, который говорит о переходе от эпохи истин к эпохе интерпретаций [см.: Ваттимо 2007]. Исходя из этой позиции, современные авторы исследуют проявления культуры в новых аспектах. Кино, литература и фантастические миры, которые выстраиваются вокруг отдельных авторов и их произведений, оказались полны переживаний именно религиозного порядка.

Оказалось, что «религиозное мировоззрение» – это не что-то, связанное с культом одной из мировых религий, а «религиозное» – это не то понятие, которое мы можем отодвинуть в сторону. Происходит переоценка этих понятий. Соответственно, развитие и принятие концепции постсекуляризма порождает и новые подходы к исследованию таких явлений, как храм или иконопись: не как «религиозного» в смысле «специфического», не как проявления своеобразного метода и принципа в искусстве, – мы наблюдаем переосмысление этих явлений как элементов культуры иной традиции, но культуры разнообразной, богатой и не сводимой к плоским стереотипам.

Можно сказать, что за последние 30 лет не изменилось само определение понятия «религия», но сильно изменилось отношение к нему, исследовательский подход. Это раскрывает новые эвристические перспективы по отношению ко всему богатейшему наследию, которое остаётся у нас от религиозных традиций, в частности, от христианской традиции. В целом, в этом видится проявление последствий постмодернистких установок, которые изначально и напрямую ставят вопрос о легитимности доминирования одной (научной) мировоззренческой установки [напр., Лиотар 1998]. Сегодня, вне зависимости от отношения к позициям самого постмодернизма, мы наблюдаем возрастающий исследовательский интерес не только к религии, но и к мифу. Этот интерес представляется не возвращением к старой теме, а комплексной переоценкой мифологического как такового.

Актуальное, современное отношение к религии, религиозным практикам и явлениям освобождается от того искажённого восприятия их инаковости и чуждости, которое вполне логично следовало из идеи секуляризации. Сегодня появляется основание исследовать иконы и храмы не как или не только как места и объекты культа, не как объекты искусства и особой эстетики. Сегодня есть необходимость более глубокого и комплексного понимания всей культурной традиции, основанной на религии. Учитывая и принимая её особенности, её целостность, мы можем по-новому оценить те её проявления и артефакты, которые раньше выходили за пределы понимания религиозного.

В свете сказанного исследование христианской традиции изображения античных философов обретает новый смысл. Христианство исследуется как живая идея, не висящая в культурном вакууме, а реагирующая и активно взаимодействующая с другими идеями и традициями, переосмысляющая и вбирающая их в себя. Опираясь на упомянутые в тексте работы, можно сказать, что иконография Платона или Аристотеля в храмах проявляет, в первую очередь, именно христианское представление об этих философах. Создаются не просто читаемые внутри одной визуальной традиции образы, но новые персонажи со знакомыми именами. В этом нет какого-то специфического проявления религиозной позиции, так поступает каждая новая традиция по отношению ко всем заимствованиям, коих обычно бессчётное множество. Подробное и бережное исследование таких заимствований поможет лучше понять сами механизмы выстраивания и взаимодействия культурных механизмов.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ваттимо 2007 – *Ваттимо Г.* После христианства / Пер. Д. В. Новикова. Москва, 2007.

Громов 2010 – *Громов М. Н.* Образы философов в Древней Руси. Москва, 2010.

Дуйчев 1978 – *Дуйчев И. С.* Древноезически мислители и писатели в старата българска живопис. София, 1978.

Зубов 1963 – *Зубов В. П.* Аристотель. Москва, 1963.

Казакова 1961 – *Казакова Н. А.* «Пророчества эллинских мудрецов» и их изображения в русской живописи XVI–XVII вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. 1961. Т. XVII. С. 358–369.

Лиотар 1998 – *Лиотар Ж. Ф.* Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. Санкт-Петербург, 1998.

Сергеев 1985 – *Сергеев В. Н.* О надписях к изображениям «еллинских мудрецов» // Труды Отдела древнерусской литературы. 1985. Т. XXXVIII. С. 326–331.

Djurić 2006 – Djurić B. Plato, Plutarch and the Sibyl in the Fresco Decoration of the Episcopal Church of the Virgin Ljeviska in Prizren. *Byzantine Narrative. Papers in Honour of Roger Scott.* Ed. by J. Burke et al. Melbourne, 2006. P. 274–283.

Iconography 2020 – Iconography of Philosophy. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.iconographyofphilosophy.ch (дата обращения 09.10.2020).

REFERENCES

Djurić 2006 – Djurić B. Plato, Plutarch and the Sibyl in the Fresco Decoration of the Episcopal Church of the Virgin Ljeviska in Prizren. *Byzantine Narrative. Papers in Honour of Roger Scott.* Ed. by J. Burke et al. Melbourne, 2006. P. 274–283.

Duychev 1978 – Duychev I. Ancient Pagan Philosophers and Writers in the Old Bulgarian Painting. Sofia, 1978. In Bulgarian.

Gromov 2010 – Gromov M. N. Images of Philosophers in Old Russia. Moscow, 2010. In Russian.

Iconography 2020 – Iconography of Philosophy. URL: www.iconographyofphilosophy.ch.

Kazakova 1961 – Kazakova N. A. "Prophecies of the Hellenic Sages" and Their Images in Russian Painting of the 16th – 17th Centuries. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature.* Vol. XVII. Leningrad, Moscow, 1961. P. 358–368. In Russian.

Lyotard 1998 – Lyotard J.-F. La condition postmoderne. Transl. into Russian by N. A. Shmatko. St. Petersburg, 1998.

Sergeev 1985 – Sergeev V. N. On the Inscriptions to the Images of the "Hellenic Wise Men". *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*. Vol. 38. Moscow, Leningrad, 1985. P. 326–331. In Russian.

Vattimo 2007 – Vattimo G. After Christianity. Transl. into Russian by D. V. Novikov. Moscow, 2007.

Zubov 1963 – Zubov V. P. Aristotle. Moscow, 1963. In Russian.

Материал поступил в редакцию 12.10.2020,
принят к публикации 06.11.2020

Для цитирования:
Васильева М. А. Иконография античных философов в христианской живописи: российские и зарубежные исследования // Визуальная теология. 2020. № 2. С. 95–104. DOI: https://doi.org/10.34680/vistheo-2020-2-95-104.

For citation:
Vasilyeva M. A. Iconography of Ancient Philosophers in Christian Painting: Russian and Foreign Research. *Journal of Visual Theology*. 2020. 2. P. 95–104. DOI: https://doi.org/10.34680/vistheo-2020-2-95-104.